

Мария Волощук Махоша

повесть о дверях и людях

ОТМЫТЫЕ ДВЕРИ

18+

Мария Волощук Махоса
Отмытые двери. Повесть
о дверях и людях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61957956

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97825-6

Аннотация

Повесть по мотивам реальной истории, рассказанной девушкой-таксистом случайной попутчице. Самая обычная история про кредиты, тех, кто их выбивает, любовь, нелюбовь, глупости, везение и самых главных в жизни людей.

Содержание

I	4
II	9
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Махоша

Отмытые двери. Повесть о дверях и людях

I

– И чтоб спички повыковыряла, все до единой! – голос у соседки был на редкость противный, резкий, с провизгиванием на всех звенящих и просвистыванием на всех шипящих. – А нет, так пусть собирает манатки и катится отсюда поздорову. Нам тут тоже как-то жить надо и жили пятьдесят лет без нее, горя не знали, а теперь вон что! Понаехала! Мне вот с собакой гулять пора, плачет вся, девочка моя. Я как дверь-то закрою?

– Извините, давайте я погуляю пока, – потупившись, смиренно предложила Инна, завязывая пояс слишком красивого для такого случая яркого цветастого халата на второй узел, но, услышав, как старушка со свистом набирает ноздрями необходимый для вопля запас воздуха, торопливо прибавила, – а потом выковыряю спички, все до единой выковыряю!

Соседка ухнула в ответ, словно филин, таким образом спустила немного давление в орущих клапанах и на повышенных тонах продолжила:

– Это с чего моя бедная Блонда должна делать прогулку с непонятым, чужим, совершенно не любящим её человеком, скажите мне на милость? Ладно все мы за нее пострадали, – старушка пальцем нарисовала стрелу снизу доверху, указывая на масштаб причиненного бедствия словно, заправский мотивационный спикер, – за что еще и псине от нее терпеть?

Ответ «Блонда скулит уж точно не от того, что с хорошим человеком пообщаться хочет, а по другой, простой и понятной причине» просился наружу, но не прошел цензуру. Дипломатия Инны, выработанная опытом многих прожитых неурядиц, взяла верх и так и не дала разгореться скандалу, ради которого старушка, собственно, и старалась.

– Ну, тогда давайте я посижу, покараулю квартиру, а вы пока с ней погуляете, – предложила она.

– Тетя Тоня, соглашайся уже, хватит девчонку мучить. И так ей досталось! – вступился Мишка, заспанный коренной житель средних лет из соседнего подъезда в застиранной футболке и пластиковых синих шлепках поверх спортивных носков, с прострелом на пятке.

Тетя Тоня огляделась, прислушалась: ни один замок не щелкнул, ни одна дверь не скрипнула. Ожидания, что в семь утра разбуженные криком соседи покинут свои норы и придут к ней на помощь, не оправдались: тишина и покой царили на лестничной клетке. Эхо воплей привычно растворилось в пролете пятиэтажки – эти стены не такое слышали. Старушка имела недобрую привычку верещать по любо-

му мало-мальскому поводу. Домофон, цвет стен, курильщики, приبلудный кот, зеленые мухи, целующиеся подростки – каждое событие в подъезде искусно превращалось ею в скандал, и, когда, наконец, появился самый настоящий повод собрать соседей, ее праведный вопль остался без внимания. И немудрено: это тетя Тоня встала в субботу в четыре утра, успела размяться в разговоре с подругой, поругаться с телевизором и к семи уже истосковаться по крупномасштабным боевым действиям. Остальные жильцы жили в своем «молодом» режиме, когда понежиться в кровати еще хочется больше, чем ругаться.

Ну что ж, и один в поле воин! Баба Тоня расстроено вздохнула, ткнула узловатым пальцем в размашистую корявую надпись на двери: «Инна из квартиры 15 ВОРОВКА», потом тем же пальцем ткнула Мишке в грудь до характерного стука о пустоту.

– Ищите дуру! Кто ее знает на самом деле? О хорошем человеке по всем дверям такое не намалюют, за хорошие дела соседям замки спичками не забьют! Ты из соседнего подъезда тоже в ее квартире небось случайно в такую рань оказался?

Мишка густо покраснел, потер предательский след от подушки на щеке, но промолчал, не найдя сколько-нибудь подходящей лжи в ответ.

– Иди, Мишка, гуляй с Блондой, воровка пусть спички выковыривает, а я за ней смотреть буду. И готовь тряпки две-

ри мыть. Меловая краска-то, белила, отмоеется у всех. Скоро проснутся, жди полподъезда в гости, святоша ни в чем не повинная.

Старушка так пристально посмотрела на предательски торчащие из халата Инкины колени, что захотелось прикрыть их или, если уж не получится, провалиться под землю.

– Я быстро, только переоденусь... В рабочее переоденусь и приду скоро. Миша, а ты погуляй пока, а я быстро, – щебетала Инна тем самым поверхностным голоском, который умеют издавать только женщины: вроде как и говорит, много говорит, слишком много, а все мимо ушей. Эдакий фоновый щебет, создающий эффект бурной мозговой деятельности при ее полном отсутствии.

– Тьфу ты, надо быть такой бестолковой бабой, – пробурчала баба Тоня, махнула рукой и побрела уже к себе, как дверь квартиры номер пятнадцать приоткрылась.

– Мама, а мы в садик сегодня пойдем? – деловито поинтересовалась маленькая лохматая девочка в смешной пижаме с корабликами. – Ой, а кто это все двери поразукрасил?

«Как же хорошо, что Оленька еще не умеет читать!», – порадовалась было Инна, но баба Тоня была на чеку. Свершилось! Хоть кто-то в этом доме должен ее услышать!

– Это, деточка, боженька твоей маме послания на всех дверях написал, чтобы ума набиралась.

– Сам боженька? – дернула маму за штанину Оленька. – Он прямо здесь был, в нашем подъезде, и прямо тебе писал?

А что ты такое хорошее сделала, чтобы к тебе сам боженька пришел? Можно я тоже такое сделаю, и он ко мне тоже придет? Только мне нужно читать выучиться, а то как я прочту, что мне боженька напишет?

Бесконечный поток детского лепета сразил соседку наповал: мамино умение щебетать дочка переняла безукоризненно и даже превзошла учителя. Перед детской логикой старушка была бессильна и ускорила шаг. Уж чего ей сейчас меньше всего хотелось, так это объясняться с маленькими девочками в пижамах. Баба Тоня на сей раз поняла, что дети не ее целевая аудитория, поэтому поспешно укрылась за дверью напротив.

II

– Пока, дорогой. Не скучай, соня, я быстро! К врачу, в банк, в магазин и бегом домой, к моему коту. Чмоки-чмоки.

Катерина махнула густым конским хвостом до пояса и перед уходом эффектно покрутилась, продемонстрировав все плюсы модельной внешности.

Будильник дернулся на цифре 08:00, но не заорал, как обычно: он умный, он знает, что сегодня отсыпной, а теперь еще как минимум четыре часа одинокого счастья, и их нужно начать с крепкого кофе, через часик, а пока...

Антон перевернулся на бок, как в детстве натянул на ухо одеяло и почувствовал приближение теплой волны утреннего субботнего сна, когда можно констатировать

«Ямщик, не гони никого» и сладко задремать, безо всякой спешки. Он уже почти провалился в сон, но Катерина влетела обратно фурией, с вытаращенными глазами. Волна дремы схлынула, оставив после себя ощущение отнятого тепла и пустоты.

– Антон, ты не представляешь! Я вышла, а там... А там... Ты сам посмотри! Двери изукрашены все, и замок снаружи не закрывается, ключ не могу вставить! Нас, наверное, обокрали!

Она металась, не снимая черной норковой шубы, слов-

но тень, между шкатулками и сейфом. Зрелище было тревожным, а разрушение мечты о сне невыносимым. Надежды вернуть утреннюю негу рухнули, вместо них в голову ворвалась назойливая трескотня, которую придется слушать. Антон резко, по-военному, поднялся с кровати, накинул халат и вышел на лестничную площадку. Тень, убедившись в сохранности имущества, скользнула за ним.

– И с чего ты взяла, что нас обокрали?

– Ну, написано же: «воровка». Вот я и подумала.

– Она, скорее всего, денег у кого-то заняла. Еще подумай немножко, не будет же нормальный человек воровать, а потом на двери писать об этом.

– Нормальный человек и дочку без мужика не будет растить!

– Откуда ты знаешь, что без мужика? И какая нам разница?

– А такая, что теперь у нас вся дверь грязная!

Катерина смазала буквы пальцем, и Антону вспомнилось детство, школа. Как они натирали ладонь мелом и с размаху припечатывали кому-нибудь сзади со словами «Привет, старичок!», а потом дружно ржали в кулак. Очень захотелось вытереть дверь рукой и припечатать черную норку аккуратно между лопаток, поэтому он сказал:

– Катюша, ты ведь к доктору опаздываешь! Поторопись, а это мелочи, потом разберемся.

– Хорошо. Тогда я пойду? Или, может быть, я отмою сна-

чала?

– Нет-нет, иди. Дверь подождет, а запись к врачу ждать не будет. Иди.

Она послушно пошла вниз по лестнице, Антон легко подцепил ногтями и вытянул из замка спичку, проверил – работает, вернулся в квартиру. Разобранная кровать злила: о сне больше не могло быть и мыслей. Хорошее же начало выходных. В кофеварке, как обычно, свежемолотый кофе, осталось только кнопку нажать. Кофе расхотелось. Антон закрыл лицо руками.

Почему это случилось именно с ним?

На породистую Катеньку три года назад смотрели с вожделением все его друзья. Двоюродная Сашкина сестра считалась у мужиков эталоном женщины. Ее обсуждали в бане, о ней болтали под пиво, делали ставки, кого осчастливит. Молодая, стройная, глупая и доверчивая Катерина штудировала женские журналы, мазалась кремами в три слоя по всей поверхности, тренировала растяжку и наизусть знала принципы угождения мужчине. Не перечила, не умничала, не требовала к себе лишнего внимания. Сашка шутил, мол, кто на Катюхе женится, обретет в квартире крутой многофункциональный чудо-агрегат: и секса тебе вдоволь, и домовитая, и пирог испечет, и мозг выносить не будет, да к тому еще мировая теща прилагается. И на Катины именины сначала Антон отведал пирог, потом попробовал секс, а потом они стали жить вместе, он и идеальная женщина, и поначалу ему

все очень даже нравилось.

Кате от него было нужно совсем немного: денег на регулярные расходы, маникюры, парикмахеров, косметологов, фитнес. Разумных, без излишеств. Шмотки, машину, украшения, совместный отдых. Все как обычно, стандартный комплект. Взамен он получил фактуру, с которой не стыдно выйти в люди, порядок дома, чистую одежду, вкусную еду, тапочки у входа и секс по первому требованию без стеснения и ограничений. В его душе воцарились покой и умиротворение семейного счастья.

В пятницу с друзьями: «Конечно, дорогой».

В командировку на неделю: «Да, дорогой».

В выходные на Волгу порыбачить: «Хорошо, милый».

Я устал, мне нужен покой: «Сейчас все выключу, любимый».

После секса повернуться и уснуть: «Спокойной ночи, любимый».

И мировая теща, которая не лезет, которая далеко, сама по себе и картошку копать не зовет. В первый раз он увидел ее спустя почти год совместного их проживания: она прилетела к дочери на двадцатипятилетие. Поздравила, наготовила еды на месяц вперед, рассказала смешных историй из своей учительской жизни, подарила ему самодельные войлочные тапки, которые можно стирать, и к вечеру самопроизвольно растворилась, не требуя себя провожать. Позвонила ему потом из своего Волгограда, спасибо за гостеприимство

сказала. Одна только фраза ее запала Антону в сердце:

– Вы, Антоша, добрый человек, Катю мою не бросайте. Не смотрите, что она пустышка, она потом будет хорошей мамой. А гувернанток и учителей в наше время нанять не сложно, они-то уму-разуму малышей и научат. Она девочка не злая, глупая просто.

Словно прочла его мысли.

Когда жажда секса с эталоном унялась, охотничий раж угас, сквозь аппетитную модельную внешность начал просвечивать человек. Вернее, его отсутствие. Пустышка. Самое точное из всех возможных описаний дала мама, и уж если ей, заслуженному учителю, не удалось эту пустышку наполнить, то куда ему с жалкими попытками добавить к глянцевым журналам подруги хотя бы «Долину Кукол» Жаклин Сьюзан.

К этому времени машину у Кати уже пришлось изъять: пять аварий за год, в последней пострадал пешеход. В области ПДД она оказалась такой же необучаемой, как и в чтении инструкций и хоть малом понимании того, что творится в мире. Ей нужно было все объяснять, разжевывать и класть в рот, как ребенку, повторять по нескольку раз. Попытки говорить с ней вечерами не возымели результата.

– Кать, ты для чего живешь на свете?

– Выйти замуж, родить ребеночка.

– А зачем тебе это: замуж, ребеночка?..

– Потом будем жить в доме, с собакой, буду растить цветы.

– Что будешь делать, понятно, а зачем?

– Дорогой, зачем ты так меня спрашиваешь, что я не знаю, что тебе ответить? Скажи, что мне делать, что почитать. Я почитаю и скажу тебе так, чтобы тебе понравилось.

– Да мне не надо, как мне нравится, мне надо, как ты думаешь!

– Я не думаю. Я – как ты.

Она очень тогда расстроилась. Плакала потихоньку от него в ванной. Ему стало стыдно, и он перестал ее мучить. Она напоминала ему хомяка, живущего на пшеничном поле, – с полными щеками материальных благ ей просто неудобно было разговаривать. Несложные подсчеты показывали ему, что немного денег она прикапывала где-то под камушком, а ценность мира измеряла исключительно в количестве и качестве того, что можно упихнуть за щеку.

После знакомства с мамой он все же предпринял последнюю попытку поговорить.

– Катя, у тебя такая образованная, интересная мама. Ты совсем на нее не похожа.

– Спасибо. Я очень старалась не стать на нее похожей. Она нас одна вырастила, всю жизнь работала, чтобы нас с братом прокормить. Отец спился, ушла от него и замуж больше не вышла. Так и тащила всю жизнь лямку в нищете, своим горбом. Даже за границей ни разу не была, представляешь! А фигура какая, ты видел? Бочка на ножках! Не следит за собой вообще. А ведь ей всего каких-то пятьдесят лет! Она

моложе Мадонны, Джулианы Мур, Кортни Кокс, а выглядит как старуха. Ужас, правда?

– Катя, разве так можно? Это твоя мама. А если потом твоя дочь про тебя так скажет?

– Моя не скажет, я буду правильной. Я ведь правильная женщина? Я все делаю для тебя, и поэтому у меня все есть. Я в Москве живу, хожу по выставкам и театрам и за границей уже больше десяти раз была!

Зачем он полез? Что за идиотская манера докапываться до сути? Он понял, что эта женщина не должна стать матерью его детей, но «добрый человек, Катю мою не бросайте» занозой засело в его голове. Ведь она, и правда, все делает для его счастья, очень старается. Как он в глаза друзьям посмотрит? Сашке, маме ее обещал не бросать, и друзья говорят не быть дураком, жениться и не париться по пустякам.

Так и стали жить: Антон, его домашний чудо-робот и за-таенная мечта о том, чтобы как-нибудь эта ситуация разрешилась сама собой, чтобы никого не обидеть. Вот уже три года мечтает и даже животом начал обрастать. Кольцо недавно купил для помолвки, вроде как пора, но рука не поднимается подарить. А в офисе у них к тому же появилась Наташка. Умненькая, сильная, упрямая, самостоятельная. В ресторане сама за себя платит, по скалам лазает, с парашютом прыгает и Маркеса читает. В глазах хитринка, глубина в глазах, а не бездна. Ух, огонь, а не девка, с таким обаянием интеллекта, что не устоять. Голову своему мужчине вынесет точно, ску-

чать не даст и в любовницы такая не пойдет, только в жены.

В его распоряжении было еще часа три на грезы, и они уносили Антона в далекие дали, к желанной Наташке на скале, на свободу от красивых кукол и обещаний.

III

Побелка совсем нелегко отмывается с дерматина, залезает во все щели, и потом льешь и льешь на нее воду – всё впусую. Инна уже поняла, что лучше всего мыть распылителем и сразу вытирать насухо, не давая струйкам бежать вниз по двери, оставляя за собой белые реки. Дверь бабы Тони далась ей особенно сложно, потому что она была первой. Инна протерла ее тряпкой и пошла домой, кормить дочку завтраком.

Звонок. На пороге в виде мечущего молнии Зевса, руки в боки, ждала баба Тоня.

– Что ж ты творишь-то, охальница! Развезла грязищу абы как и убежала? Посмотри, страсть какую устроила!

– Антонина Петрова, не ругайтесь, я Оленьку пошла покормить и потом еще раз помою, пока чистой не станет.

– А вы зачем отмываете то, что боженька на двери написал? – прибежала на шум маленькая Оленька. – Разве не жалко вам отмывать боженькину надпись?

– Иди, доченька, доедай, мы сейчас поговорим, и я пойду помою дверь. Это ведь мне боженька писал, видишь у всех написано «Инна», вот я должна теперь отмыть, а то нечестно получается.

– А... Ну тогда ладно. Только на телефон надо сфотографировать, чтобы не забыть потом, что боженька писал.

– Конечно надо, умничка моя, все-то ты знаешь!

– Я пойду по делам, и чтобы, когда вернусь, чисто было! – баба Тоня метнула в Инну молнию взгляда и решительным шагом зашагала вниз, сожалея, что не догадалась сделать фотografiю своей двери до того, как с нее смыли надпись.

Участковый надел очки на кончик носа и со всем вниманием изучил заявление бабы Тони. С этой бабушкой без внимания никак нельзя, если хочешь побыстрее освободиться. Она получит свою порцию тебя и уйдет довольная восвояси, а иначе до вечера будет сидеть, пока наговориться вдоволь, пробовали уже.

«... опасаясь проживать на одной лестничной клетке с воровкой Инной из пятнадцатой квартиры. Требую принять меры!..»

– Антонина Петрова, Вы поймите: то, что написали на двери про вашу соседку, доказательством ее вины не является. Наказать Инну мы по закону никак не можем. У нее и с регистрацией все в порядке, и ведет она себя тихо, не пьет, не бужит. Вот если от ее рук и правда кто-то пострадал, и он напишет заявление в полицию, и будут доказательства, будет суд, и докажут ее вину – вот тогда мы ее накажем по всей, понимаете, строгости закона. А сейчас хулиганские действия совершил тот, кто двери изрисовал. И то, самое легкое хулиганство, не испортил же, отмывается.

– А замки?

– Да, с замками дело посерьезнее, но и то – починили Вам замок?

– Починили. Мишка починил. Эта проשמандовка отмыкает надпись, а хахаль ее из соседнего подъезда замок починил и смазал еще. Да, а то, что он к ней ходит, никак теперь не наказуемо? Я вот здесь написала в заявлении. Моральный же облик надо соблюдать, она же мать в конце концов!

– Антонина Петрова, ну вспомнили Вы времена! Теперь телевизор включишь, и там сплошная аморальщина, не то что в квартирах. За это нынче не то что не наказывают – поощряют! Теперь если мужчина с женщиной – уже хорошо. Только бы не друг с дружкой.

– Ну да, ну да, – бабушка, очевидно, не совсем поняла, что участковый имеет в виду, – а кто ж он, этот, который разрисовал все двери-то? Камеры, небось, стоят во всех подъездах, видно его, небось.

– Видно, конечно, только он, не будь дураком, лицо себе шарфом замотал, – участковый показал старушке черно-белую картинку на мониторе, чтобы убедилась, что он полон решимости с делом разобраться.

– Ну да, ну да...

Старушка призадумалась. Участковый молился про себя: только бы она не поняла, как ей на реального хулигана заявление написать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.